

Избирательно-ограниченная монархия в России в начале XVII века

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционировавшей в России в первой половине XVII в. системы управления, сложившейся вследствие династического кризиса в конце XVI – начале XVII вв. Автор анализирует правовые документы, ограничивающие монархию в этот период, – такие, как «Подкрестная запись Василия Шуйского» (1606 г.) и договоры об избрании королевича Владислава от 4 февраля 1610 г. и от 17 августа 1610 г. Также большое внимание уделяется проблеме «ограничительной записи Михаила Романова», по поводу которой в отечественной исторической науке ведется полемика с конца XIX в. При помощи системного анализа и историко-генетического метода была предпринята попытка исследовать основные свойства и характеристики установившегося в ту эпоху политико-правового режима. На основе данного исследования автор пришел к выводу о перспективности проводившихся изменений, которые могли способствовать формированию принципа разделения властей и альтернативных самодержавию институтов власти. На основе сравнения с аналогичным процессом в Западной Европе провал наметившихся конституционных тенденций связывается с медленным развитием в России сильного, независимого в имущественном отношении класса, подобного европейской буржуазии, а также с особенностями ментального уклада русского народа.

Ключевые слова: Земский собор, Михаил Романов, Смута, интервенция, династический кризис, Рюриковичи, служилое дворянство, Боярская дума, Утвержденная грамота, Тушинский лагерь.

Abstract. This article is dedicated to the examination of the specifics of Russia's management system in place during the first half of the 17th century, which formed as a result of the dynastic crisis at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries. The author analyses the legal documents that limited the monarchy during this period, such as the "Cross record of Vasilii Shuyskiy" (1606) and election agreement of the prince Vladislav from the 4th of February 1610 and from the 17th of August 1610. Additionally, significant attention is allocated to the problem of the "Restrictive record of Mikhail Romanov", which has been subject of debate in Russian historical sciences from the 19th century onwards. Using the systematic analysis and the historical genetic method, the author carried out a study of the principal properties and features of the established political and legal regime during this period. Based on this research, the author came to the conclusion of the prospects of the undertaken changes, which could have contributed to the formation of the principle of power separation and of alternative institutions of power to autocracy. On the basis of comparing this with the analogous process in Western Europe, the failure of the set constitutional tendencies is tied to the slow development in Russia of a strong, independent in property class, similar to the European bourgeoisie, and also of the particularities of the mental mode of the Russian people.

Key words: Zemsky Sobor, Michael Romanov, Time of Troubles, intervention, dynastic crisis, Rurik dynasty, serving nobility, Boyar Duma, Granted Charter, Tushino camp.

Династический кризис и первые попытки ограничения самодержавия

В начале XVII в. Российское государство поразил тяжелейший социально-политический кризис, более известный как Смутное время. Можно назвать целый ряд причин, приведших нашу страну к национальной катастрофе, но все они так или иначе были связаны с разрушением традиционной, сложившейся за много веков системы управления. В 1598 г. со смертью царя Федора Иоанновича прекращает свое существование династия Рюриковичей. Фундаментальную роль

в усилении кризиса сыграло и веками складывавшееся в русском народе воззрение на верховную власть. Как подчеркивают многие историки, в представлении жителей нашей страны – независимо от их сословной принадлежности – царь по отношению к государству воспринимался так же, как собственник по отношению к своему хозяйству, своей вотчине. «Хозяйство» это являлось неотъемлемой частью рода Рюриковичей, и его собственником мог быть только династический царь. С исчезновением династии начинается новый период в истории нашей страны – краткий, но тем не менее крайне важный

период выборных царей. С 1598 г. по 1613 г. на тех или иных условиях избираются Борис Годунов, Василий Шуйский, королевич Владислав, Михаил Романов. Количество избранных царей говорит о том, что их выборность начала превращаться в систему, а сама процедура избрания государя автоматически прекращала действие понятия о государстве как о наследственной вотчине и превращала царя в высокопоставленного чиновника. Как следствие, в элитах государства начинают раздаваться мнения о необходимости ограничения власти монарха и делении ее с другими управленческими институтами (Боярской думой, Земским собором), и даже предпринимаются попытки реализовать такую возможность на практике. Неслучайно именно с этого момента и вплоть до конца XIX в. появляются различные проекты по переустройству государства, что практически невозможно представить себе при Рюриковичах.

К середине XVI в. в Московском государстве завершается процесс централизации, усилиями Ивана IV были ликвидированы последние следы удельного прошлого. Одновременно с завершением объединения страны формируются основные структуры управления государством, которые с изменениями отдельных полномочий функционируют вплоть до реформ Петра Великого. Но создаваемое государство едва не гибнет в начале своего развития, причиной чему стало сумасбродство и порой недалекость проводимой политики (Ливонская война, террор опричнины, вымирание династии, ставшее следствием неуравновешенного характера Ивана Васильевича). В 1569 г. царь расправляется со своим кузеном Владимиром Старицким и его семьей, в 1581 г. в припадке гнева он убивает старшего наследника Ивана. И кто знает, не эта ли крутизна характера привела к душевному расстройству его преемника – царя Федора?

Практически сразу после воцарения Федора власть в стране захватывает его шурин Борис Годунов – умный, талантливый управленец, но в то же время человек хитрый, жестокий, для достижения своих целей не останавливающийся ни перед какими моральными ограничениями. В 1598 г. царь Федор Иоаннович, последний представитель мужеского пола из династии Рюриковичей, сходит в могилу. Перед боярами и духовенством встает тяжелый вопрос об его преемнике. На первых порах государственные сановники, рассуждая вполне логично, намереваются передать престол законной супруге покойного

государя – царице Ирине. Тем самым делается попытка сохранить видимость преемственности власти и одновременно умиловить самого влиятельного вельможу – Бориса Годунова, – сестрой которого та являлась. Но царица отказывается и предпочитает удалиться в Новодевичий монастырь. Естественно, в умах патриарха и представителей Думы рождается мысль передать престол ее брату, который и так пусть не по титулу, но по существу исполнял царские функции в годы предыдущего царствования.

Но мог ли он – человек не самого высокого происхождения – в стране, где господствуют местнические порядки и само значение личности определяется ее рождением, несмотря на все свое богатство и влияние, просто взять и принять столь высокий титул? Само стечение обстоятельств подталкивало общество к избранию нового царя. Вот что пишет по этому поводу С. М. Соловьев: «Годунов не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывают, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран Земским собором. Понятно, что в этом только выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле» [1, 338]. Желание Годунова было исполнено – в феврале 1598 г. в Москве под началом патриарха Иова собрался довольно представительный собор. На основе изучения списков Утвержденной грамоты 1598 г. ученые смогли прийти к выводу, что в этом мероприятии принимали участие не только представители Освященного собора, первородного боярства и служилого дворянства, но даже представители довольно широких слоев купечества – гости, старосты гостиных, суконных и черных сотен. Предложенная патриархом Иовом кандидатура Годунова была шумно и практически единогласно одобрена членами собора, а затем делегация собора в сопровождении народа отправилась в Новодевичий монастырь к новоизбранному царю, и тот был «вынужден» принять царский венец.

Но могло ли быть все так безоблачно для Годунова, пользовался ли он в действительности столь единодушной поддержкой и была ли возможность избрания на престол другого лица? Частично ответ на этот вопрос можно получить из любопытнейшего донесения польского посла при московском дворе Льва Сапегы своему королю Сигизмунду III. В донесении приводится речь боярина Г. В. Годунова – дальнего родственника

Бориса – накануне избрания последнего. Из документа видно, что на соборе были серьезные прения. В своей пламенной речи Г. В. Годунов, резко обличая своего родственника в различных преступлениях, призывает собравшихся выступить против его избрания: «Размыслите, какое громкое проклятие ожидает вас у потомства, если по неосмотрительности своей вручите столько драгоценного беспокойному честолюбцу, свирепому тирану, замышляющему возвыситься наравне с богами древнего идолопоклонства» [2, 3]. Но, «с другой стороны, какими благословениями освятят память вашу племена грядущих веков, если призовете в высокое сие звание человека правдошного, снисходительного, благодетельного, давно уже обещающего, что он, державствуя, будет почерпать силу своего правления и могущества в святости законов, коими бы ограничивалось и собственное его поведение» [2, 3–4].

Таким образом, избрание Бориса Годунова нельзя назвать полностью безальтернативным – допускалась возможность передачи власти не только ему. Есть все основания полагать, что существовала серьезная оппозиция, которую могли возглавлять кланы Шуйских, Романовых и в которую, как видно, входили представители даже самого рода Годуновых. О том, что на соборе было много противников Годунова, говорит и С. Ф. Платонов, делающий свой вывод на основе анализа состава собора: «...придворные чины и московские дворяне, т. е. более аристократические слои дворянства, на соборе были во множестве. А из этих-то слоев и являлись, по нашим представлениям, враги Бориса. Стало быть, на соборе не прошли друзья Бориса и могли пройти в большом числе его противники» [3, 268–269]. К тому же, как следует из речи Г. В. Годунова, в обществе стали появляться новые для России идеи – о необходимости подчинения любому, включая монарха, единым для государства законам, которые, следовательно, должны были бы ограничивать власть государя, а также о возможности отрешить царя от власти в случае нарушения им этих законов.

Но в итоге кандидатура Годунова на соборе все же прошла: абсолютное большинство его членов – или прямо подкупленные Годуновым, или лично обязанные ему, или действительно искренне верившие во благо данного выбора – избирают его без всяких условий. Это была фатальная ошибка, предопределившая дальнейшую трагедию как лично семьи Годунова,

так и всего общества той эпохи. Разве могли все эти Шуйские, Воротынские, Мстиславские признать над собой неограниченную власть Годунова, который в их глазах представлялся выскочкой и просто был обязан разделить с ними власть? И Борис начинает репрессивными методами прижимать старинные боярские фамилии, примером чему служит «дело Романовых», когда по надуманному доносу вся семья будущего основателя новой династии была разослана по различным концам государства, а старший в роду пострижен в монахи, что лишало его в дальнейшем права претендовать на царство. Подобная политика Годунова вызвала противодействие в боярских кругах. Вся история Лжедмитрия I очень походит на целенаправленный проект, в котором самозванца умело использовали, а затем избавились от него за ненадобностью. Как верно подметил В. О. Ключевский, Лжедмитрий I «был только испечен в польской печи, а заквашен в Москве» [4, 30].

Усугубляла ситуацию и негативная репутация Бориса в обществе. Приведенная выше речь Г. В. Годунова изобилует тяжкими обвинениями Годунова и в первую очередь содержит указания на его причастность к убийству царевича Дмитрия. Симптоматично, что столь тяжкое обвинение в адрес Бориса Годунова высказывалось публично на соборе представителей всей русской земли. Из этого следует, что слухи о его причастности к гибели царевича получили широкое распространение не только в высших эшелонах власти, но и в целом в народе. Таким образом, уже в самом начале правления Бориса Годунова были налицо очевидные идейные предпосылки для заговора против новоизбранного царя и его последующего свержения. Череда голодных лет удачно довершила эту крайне неблагоприятную для него конъюнктуру: в глазах тогдашних людей данный факт стал подтверждением «свыше» того, что престол занимает несправедный царь, «царь Ирод».

Несмотря на то что сразу при избрании не удалось ограничить прерогативы нового царя, сама эта идея не исчезала, но находила все большее число сторонников. Московская аристократия слишком много натерпелась за царствование Ивана Грозного, и элементарное чувство самосохранения понуждало ее к борьбе с новым царем. Так сложился по-своему блестящий план по низложению Бориса Годунова и возведению на престол представителя этой аристократической среды, который был бы способен удовлетворять

ее запросы. В одном из монастырей заговорщиками был подготовлен человек, который мог быть выдан за погибшего царевича Дмитрия. Вероятно, подготовка была столь тщательной, что самому самозванцу удалось внушить, что он истинный Рюрикович, сын Ивана Грозного: «Он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом», – писал В. О. Ключевский [4, 31]. О том, что Лжедмитрий был проектом московского боярства, косвенно свидетельствует и то, с какой пассивностью действовали царские воеводы – представители знатных семей Ф. И. Мстиславский, Д. И. Шуйский, В. И. Шуйский, – направленные против самозванца. Превосходя его разношерстные войска по разным оценкам в 3–4 раза, они тем не менее в короткие сроки позволили тому занять Смоленские и Северские земли. Единственное достойное сопротивление Лжедмитрию оказал под Новгородом Северским Петр Басманов, тогда еще сохранявший преданность роду Годуновых.

Однако возведение на трон Лжедмитрия было только первым актом задуманного, т. к. веривший в свое происхождение, он очень быстро по вступлении на престол стал проводить самостоятельную политику и не собирался удовлетворять чаяния боярства. По словам С. Ф. Платонова, «с минуты его торжества в нем боярство уже не нуждалось. Он стал как бы орудием, отслужившим свою службу и никому более не нужным, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь к престолу будет свободен достойнейшим в царстве» [3, 291].

17 мая 1606 г. произошла развязка заговора. Лжедмитрий, правивший менее года, был убит. Казалось, пришло время, когда бояре могут создать идеальное для них политическое устройство. Еще накануне свержения Лжедмитрия, собравшись в доме Шуйских, они договорились, что кто бы ни был избран на престол, он будет управлять общим советом с боярами. Фаворитом являлся В. И. Шуйский – как в силу своей роли в заговоре, так и по степени влиятельности и знатности рода, который велся от Александра Невского. Но, не будучи до конца уверенным в том, сможет ли он должным образом организовать свое избрание на соборе, Шуйский не стал дожидаться его созыва, а был «выкрикнут» подготовленной к этому толпой. То есть при воз-

ведении Шуйского на царство изначально был нарушен принцип легитимности, который в тех условиях единственно мог быть обеспечен Земским собором. Осложняло ситуацию и то, что Шуйский фактически был избран без участия набравшего силу и значение служилого дворянства, являвшегося обычно большинством на соборах. Вот что пишет по этому поводу живший в то время в Москве француз Жак Маржерет: «В то же время в Москве был большой раздор между дворянами и прочими, негодовавшими на избрание Шуйского государем без их согласия и утверждения; Шуйский едва не был низложен» [5, 89]. Именно эта сила и стала в дальнейшем ядром Тушинского лагеря, ставшим в оппозицию правившей в Москве аристократии.

Но все же, несмотря на всю сложность тогдашней социально-политической ситуации, после вступления на престол В. И. Шуйского, возможно, впервые была сделана попытка ввести начала правового правления, защитить людей от произвола со стороны вышестоящих, в том числе и царя, сделать монарха ответственным перед народом. Безусловно, к тому Шуйского подталкивали нелегитимность его избрания – без Земского собора – и те обещания, которые он дал своим сообщникам накануне свержения Лжедмитрия и от которых уже не мог так просто отмахнуться. Но все же он делает попытку переиграть бояр и не допустить роста их влияния. Во время своего венчания он торжественно заявил: «Целую де крест всей земле на том, что мне никакого зла ни против кого не сделать без собора» [6, 308]. То есть совет с Боярской думой он попытался заменить советом с Земским собором, а значит, «ограничить свою власть учреждением, к тому непривычным, т. е. освободить ее от всякого действительного ограничения» [4, 36]. Таким образом, в случае реализации данного плана царя Земский собор стал бы эволюционировать в направлении не представительного органа, а некоего подобия парижского парламента, т. е. высшего судебного органа страны. Но, вероятно, ближние бояре вовремя осадил Шуйского, т. к. в дошедшей до нас грамоте, в которой царь оповещает о своем вступлении на престол и которая в исторической науке получила наименование «Подкрестной записи Василия Шуйского», приводится совсем иной текст: «И поволит я, царь и великий князь всея Руси, целовать крест на том: что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с боярами своими, смерти не предать, вотчин,

дворов и животов у братья его, у жен и детей не отнимать, если они с ним в мысли не были; также у гостей и торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ними в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи, чтобы в том православное христианство невинно не гибло; а кто на кого солжет, то, сыскав, казнить его, смотря по вине, которую взвел напрасно» [1, 446].

Этот документ в своем роде уникален, так как является первым договором, заключенным московским государем со своими подданными. Кроме того, в этой записи можно разглядеть впервые сформулированный в России принцип разделения властей, пусть и в еще достаточно примитивной форме. Но остается фактом, что московский государь добровольно соглашался передать часть своих судебных функций Боярской думе. Очень часто историки подчеркивают, что условия «Подкрестной записи» нельзя назвать подлинным ограничением царской власти, так как они затрагивают только судебные полномочия и вовсе не касаются разграничения государственных функций. Но скорее всего прав В. О. Ключевский, считавший, что боярам и не нужно было опубликование всех условий: «Отстояв свою думу против Земского собора, бояре не настаивали на обнародовании всех вынужденных ими у царя уступок: с их стороны было даже неблагоразумно являть всему обществу, как чисто удалось им ощипать своего старого петуха» [4, 36]. Но и сама по себе запись удовлетворяла основную потребность тогдашнего общества в обеспечении личной безопасности и защите от государственного произвола. Важнейшим ее условием являлось то, что она отменяла любые виды досудебной расправы, царь лишался права казнить человека исключительно по своей воле, а предусматривался «истинный суд с боярами». Кроме того, была предпринята попытка лишить произвол той питательной почвы, которую для него создавали доносы. Вместо них предусматривалось тщательное следствие с применением в случае необходимости очной ставки («сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи»). А за ложный донос предусматривалось суровое наказание вплоть до смертной казни. Также предполагалась окончательная ликвидация пережитков родового строя в виде семейной ответственности за преступление. От-

ныне запрещалось лишать жизни членов семьи преступника, а также конфисковать их имущество, если не будет доказано их соучастие в преступлении. Впервые здесь проявляется уважение к личности подданного, и в случае реализации на практике данных положений, по словам В. О. Ключевского, «Василий Шуйский превратился из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по законам» [4, 37].

Но вероятно, сам Шуйский рассматривал «Подкрестную запись» как всего лишь декларацию, временную уступку и не собирался ей следовать. Так, «Новый летописец» повествует: «Царь же Василий после воцарения своего, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили, бояр, и думных дьяков, и стольников, и дворян многих разослал по городам на службу, а у иных многих поместья и вотчины отнял» [6, 309]. Но сама идея ограничения царской власти была объективно востребована и к тому же озвучена публично и поэтому просто не могла не иметь последствий. По мнению современной исследовательницы русского средневекового права В. А. Балкаровой, принятие данного документа «оказало большое влияние на формирование юридического менталитета в стране и нашло свое отражение в ряде последующих государственных нормативных актов» [7, 27]. Имеются в виду в первую очередь два договора, заключенных русскими с поляками в 1610 г. об избрании королевича Владислава, о которых будет сказано ниже.

Мысли, изложенные в «Подкрестной записи», получили неожиданное развитие не в Москве, а в фактически другой столице Московского государства – Тушине. Еще летом 1608 г. здесь удается укрепиться очередному «царю Дмитрию», который создает свое собственное правительство с Боярской думой, приказами, собственными патриархом и армией. Состав лагеря нового самозванца отличался чрезвычайной пестротой: здесь были и поляки, и казаки – донские и запорожские, – и различные беглые холопы и крестьяне. Но особо среди них можно выделить своего рода «второсортный слой» боярства, различных жильцов московских, дворян и детей боярских, которых обычно сводят в единое сословие служилого дворянства. Эти люди всегда находились близко к трону, были его опорой, но на деле были лишены каких-либо политических и зачастую собственных прав на имущество, которым обладали. Составляя на соборах XVI в. стабиль-

но 52–55% от общего состава [8, 298–323], они в реальности призывались на них в лучшем случае для одобрения принятых центральным правительством решений, а чаще всего просто для ретрансляции этих решений на места. Кроме того, большинство из них владели земельной собственностью на поместном праве, т. е. получали ее только за службу и были лишены возможности ей свободно распоряжаться. Таким образом, они фактически не имели надежной почвы под ногами и в случае неблагоприятной фортуны и потери милости государя могли лишиться своего положения и переместиться на более низкий социальный уровень.

Именно эти люди в первую очередь и были заинтересованы в изменении порядков, существовавших в Московском государстве. Со вступлением на престол Шуйского, почувствовав слабость новой центральной власти, они посчитали, что смогут реализовать свои надежды более решительными действиями. Вероятно, именно с их деятельностью и связано перерастание Смуты в ее активную фазу. Действительно, если посмотреть на имена людей, поднявших первые восстания против Шуйского, мы увидим сплошь имена представителей второго слоя боярства и дворянства: князья Шаховской и Телетевский в Северских землях, дворяне Ляпуновы в Рязани, сын боярский Истома Пашков. «Как тульское, так и рязанское ополчения были по преимуществу дворянскими и направлялись против боярского правительства Шуйского», – отмечает С. Ф. Платонов [3, 301]. Именно эти люди и были заинтересованы в новом самозванце – как предлоге для борьбы с новым правительством. И новый самозванец не заставил себя долго ждать: вышедший из белорусских топей человек темного происхождения очень быстро смог собрать вокруг себя всех недовольных новым московским режимом и в короткие сроки подчинить своей власти большую часть земель к югу от Москвы. Не пользуясь достаточным уважением со стороны своих соратников, он быстро стал игрушкой в их руках, в первую очередь поляков, ставших наиболее боеспособной частью его войска. Но не пожелав терпеть такое положение, он в конце 1609 г. бежит из Тушина в Калугу и именно с этого момента становится подлинной силой. Многие же русские, оставшись в Тушине, попали в тяжелое положение: разуверившись в самозванце, они решили связать свою судьбу с польской стороной и начали вести переговоры об избрании на русский престол Владислава –

сына польского короля Сигизмунда III из династии Ваза.

31 января 1610 г. к польскому королю для переговоров от тушинцев прибывает посольство, сам состав которого уже говорит о том, чьи интересы оно представляло. «Во главе посольства стоят Салтыковы, князья Масальский и Хворостинин, Плещеев, Вельяминов, т. е. все “добрые дворяне”»; в посольстве участвовали дьяки Грамотин и другие <...> Таким образом, представителями русских тушинцев являются люди среднего состояния», – подчеркивает С. Ф. Платонов [3, 310]. 4 февраля 1610 г., после нескольких дней переговоров, договор был заключен. Этот договор является особым документом в истории дореволюционной России: ни до, ни после него ни один документ, за исключением разве что кондиций 1730 г., не предусматривал столь значительного ограничения власти монарха. В. О. Ключевский даже называл его «целым основным законом конституционной монархии, устанавливающим как устройство верховной власти, так и основные права подданных» [4, 42]. Особо следует подчеркнуть, что он хотя и был заключен с иностранным монархом и признавал иностранного принца московским царем, тем не менее ни в коем случае не нес угрозы государственному суверенитету. Исторический опыт показывает, что интересы представителя иностранных домов часто сливаются с национальными интересами его новой родины. Кроме того, сами условия договора исключали подобный вариант. Договор тщательно оберегал национальную и религиозную независимость страны. Пункты 1 и 2 говорят, что «Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю» и «чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенною» [1, 540]. Также русским послам удалось выговорить гарантии от засилья в московском госаппарате выходцев из Польши: «Польским и литовским панам не давать правительственных мест в Московском государстве» [1, 541]. Таким образом, как мы видим из условий, исключалась возможность утраты независимости. Более того, приобретался союзник в лице Польши против третьих держав, о чем в будущем мечтал талантливый государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин и что воплотилось в реальности после «Вечно мира» 1683 г. Но наиболее революционными в этом документе являются пункты, в которых говорится о разделе властных полномочий. В 8 пункте утверждается: «Перемена законов за-

висит от бояр и всей земли» [1, 540]. Т. е. Боярская дума и Земской собор фактически становятся органами законодательной власти, что уже напоминает некий прототип верхней и нижней палат парламента. Кроме того, отныне введение новых налогов допускалось только с согласия думы: «...король не может прибавлять никакой новой подати без согласия думных людей» [1, 541]. Также договор полностью подтверждает судебные порядки, изложенные в «Подкрестной записи» Шуйского. Таким образом, из этих условий видно, что избираемый царь лишался важных финансовых и административных рычагов управления и фактически становился конституционным монархом. Также этот документ важен тем, что им наносился серьезный удар по системе местничества: отныне объявлялось, что будут «меньших людей возвышать по заслугам» [1, 540]. В стране объявлялась веротерпимость, и люди получали возможность по своему желанию выезжать за границу: «Для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские, кроме бусурманских, поганских, и господарь отчин, имений и дворов у них за то отнимать не будет» [1, 540].

Этот уникальный документ в случае своей реализации мог изменить дальнейшее течение российской истории, создать предпосылки для перехода к правовому обществу, «раскрепостить» его элиту, создать условия, при которых во власти будут широко представлены средние слои общества. Но вместе с тем на деле данный договор был оторван от реальной жизни, и было мало возможностей для его реализации. Во-первых, он был выработан только одной из политических группировок того времени, при том что в Москве продолжал царствовать Василий Шуйский, дела которого в тот момент не выглядели совсем уж безнадежными (как раз к этому времени М. В. Скопину-Шуйскому удалось восстановить контроль над севером страны), а в Калуге стал заметно укрепляться самозванец. А во-вторых, договор был не в интересах самой влиятельной группы того времени – первородного московского боярства. Как пишет С. Ф. Платонов, люди, его заключившие, «были так далеки от московских княжат-олигархов, что ни разу даже словом не упомянули в своем договоре о “московских княженецких родах” при определении сословных льгот и преимуществ» [9, 275].

Но несмотря на это, все же договор от 4 февраля 1610 г. не был полностью забыт, став основой для нового договора, заключенного

уже «законным» московским правительством 17 августа 1610 г.: когда в июле 1610 г. Василий Шуйский был свергнут с престола, оставшаяся без правителя Москва временно присягнула Боярской думе. Выбор предстоял непростой. Москва находилась в тяжелейшем положении. К ней подступили польские войска во главе с корунным гетманом Жолкевским и армия калужского самозванца. Фактически рассматривались четыре кандидата на престол: Владислав, знатный и влиятельный боярин В. В. Голицын, молодой М. Ф. Романов и мнимый царь Дмитрий Иоаннович. Как известно, выбор вновь пал на польского принца. По всей видимости, данное решение, если не считать веский аргумент в виде армии гетмана, было принято под влиянием компромисса двух ключевых в тогдашней Москве фигур – Ф. И. Мстиславского и ростовского митрополита Филарета Романова. Первый, род которого шел от самого великого князя литовского и русского Ольгерда, по традиции считался самым знатным из бояр. Зачастую к Боярской думе обращались словами «к князю Мстиславскому с товарищи». Не имея личных амбиций на власть, он в тоже время не хотел, чтобы выбранный человек был из его среды, поэтому активно противился плану Голицына и предполагал пригласить на престол человека со стороны. Филарет же, неготовый в тот момент бороться за избрание своего сына, кандидатуру которого продвигал патриарх Гермоген, был связан позицией части тушинцев, пожелавших видеть Владислава русским царем, да и сам, находясь в активной переписке с королем Сигизмундом, тоже был не прочь, чтобы на престол вззошел его сын. Эти два человека возглавляли, по словам С. Ф. Платонова, «два слоя старого боярства, сошедшиеся в одном намерении посадить на царство чуждого обоим слоям иноземца» [9, 297]. Весьма способствовали этому и активные дипломатические старания гетмана Жолкевского. Беря за основу февральский договор, он вел переговоры с московской знатью и активно пропагандировал Владислава, обещая защиту от самозванца, о чем он сам пишет в своих воспоминаниях: «...если склонят к тому свои мысли, как некоторые извещали, что примут королевича Владислава за государя, то он хочет им помогать против самозванца.» [10, 72]. Но согласившись с самой кандидатурой Владислава, московское правительство не могло безоговорочно принять договор от 4 февраля, недостаточно защищавший их интересы и чрезмерно, с точки

зрения аристократии, отражавший интересы «меньших людей». Поэтому в Боярской думе срочно начали выработать новый договор об избрании Владислава. И даже, дабы придать ему форму большей законности, его утвердили на некоем подобии Земского собора, а 17 августа он был принят Жолкевским.

Как видно из сохранившейся договорной записи, в выработанном документе еще строже, чем в февральском, отстаивается православная вера. Если в первом договоре предусматривалось строительство в Москве костела для поляков, то теперь этот вопрос откладывался на неопределенное будущее: «...и Римския веры, и иных розных вер костелов, и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городам, и по селам нигде не ставити; а что говорил гетман по королевскому ответу, чтоб в царствующем граде Москве хотя б один костел быти мог для людей польских и литовских, которые при государе королевиче мешкати будут, о том государю королевичу с патриархом, и со всем духовным чином, и с бояры, и со всеми думными людьми говорити» [11, 198–199]. Кроме того, строго запрещался въезд в страну евреев: «...и жидом в Российское во все государство с торгом и некоторыми иными делы не въезжати» [11, 199]. Также расширялся запрет на занятие должностей поляками: «...ни у каких земских расправных дел, и по городам в воеводствах, и в приказных людех не быти, и в наместничество, и в староство городов польским и литовским людем не давати» [11, 199–200]. Вместе с тем в новом договоре строже оговаривались интересы московской аристократии. Так, в нем отсутствовал пункт из февральского договора о возвышении «меньших людей» по их заслугам, тщательно оберегались местнические порядки, существовавшие ранее: «...и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять» [11, 200]. Предписывалось возвышать людей по их достоинству, под которым в то время понимали родовитость человека. Также в новом договоре отсутствовало упоминание о праве выезда людей для занятий науками за пределы Московского государства. Из всего этого видно, что делалась попытка законсервировать традиционные порядки, существовавшие в стране. Но все же в главном договор от 17 августа сохраняет условия февральского. В нем по-прежнему прослеживается строгое разделение властных полномочий между царем, Боярской думой и Земским собором в области законодательства,

суда и налогообложения. С одной стороны, как неоднократно подчеркивалось, данные ограничения власти Владислава преследовали цель защитить старину от возможных нововведений со стороны иностранца. С другой стороны, все же надо признать положительное значение ограничительных начал этого документа. С его введением различные институты власти начинали бы автоматически контролировать друг друга и препятствовать злоупотреблениям.

Однако изначально, с момента своего принятия данный договор не мог иметь юридической силы. Если с московской стороны были сделаны все усилия, чтобы придать ему вид законности, как тогда это понимали (выработано Боярской думой и одобрено Земским собором), то подписавшие документ с польской стороны, несмотря на все свои высокие звания, не имели на то полномочий от польского короля. Об этом в воспоминаниях говорит Жолкевский: «Гетман <...> хотя посылал к е. в. королю <...> и просил, чтобы е. в. король прислал из сенаторов и других, к тому способных <...> однако ж за болезнью ли е. в. короля, которую он в то время был одержим, или по какой-нибудь другой причине, не было прислано гетману никакого наставления» [10, 74]. Возможно, это бы не было камнем преткновения, если бы король, получив текст договора, его утвердил, но Сигизмунд, уже сам претендовавший на русский престол, счел сей документ излишним. Посчитав Москву завоеванным городом, он начал действовать соответствующим образом. Командующий польским гарнизоном в Москве Александр Гонсевский фактически установил в городе репрессивный военный режим, отстранив Боярскую думу от реального управления, подавляя малейшие вспышки недовольства, чему примером может служить расправа с восставшими в марте 1611 г., когда была подвергнута сожжению большая часть города, расположенная за китайгородской стеной. Одновременно с этим под Смоленском было арестовано посольство во главе с Филаретом Романовым и В. В. Голицыным.

Столь грубыми действиями поляки в одночасье из желанных союзников превратили себя в ненавистных оккупантов. С этого момента в стране начали активно формироваться патристические настроения, появилось решительное стремление покончить со Смутой и изгнать интервентов. Созданное в конце 1611 г. в Нижнем Новгороде купцом Мининым ополчение в короткие сроки стало влиятельной силой и

быстро распространило свое влияние на земли к северо-востоку от Москвы, и в апреле 1612 г. в Ярославле было создано общенациональное правительство – «Совет всея земли» – во главе с Мининым и Пожарским. От лидеров ополчения по городам и уездам стали рассылаться грамоты с призывом прислать своих представителей в «Совет всея земли»: «...пожаловать бы вам прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два и с ними совет свой отписать» [1, 649]. Таким образом, в Ярославле была предпринята попытка создать подлинно представительный орган, который должен был отражать интересы всей страны. Призыв оказался благожелательно воспринятым. В Ярославль начали съезжаться представители земли, а вместе с ними двинулись и служилые люди. В городе стали концентрироваться финансовые ресурсы. Все это создало необходимые условия для освободительного похода на Москву. 22 октября ополчение вступило в Китай-город, а уже 26 октября 1612 г. польский гарнизон капитулировал и покинул Кремль. Таким образом, страна проявила волю быть независимой и единой, и пришло наконец время для формирования крепкой и устойчивой власти. Но за 14 лет Смуты государственный порядок был настолько разрушен, что вопрос, как избирать новую власть и на каких условиях, стоял достаточно остро и оставался открытым.

Ограничительная запись Михаила Романова

Прежде всего предстояло избрать нового царя. «Совет всея земли» в лице боярина Д. Т. Трубецкого и окольничего Д. М. Пожарского, имея за собой печальный опыт избрания царей последних 14 лет, пришел к выводу, что для получения всеобщего признания новый государь должен быть избран Земским собором, имеющим самое широкое представительство. И Трубецкой с Пожарским стали рассылать грамоты по городам и уездам с призывом «из ыгуменов, и ис протопопов, и ис посадских, и из уездных людей, и из дворцовых сел и ис черных волостей десяти человек лутчих, и разумных, и постоянных людей» [12, 187]. То есть на собор были призваны представители от белого и черного духовенства, дворяне и дети боярские, стрельцы, пушкари, затынщики, служилые татары, атаманы, казаки, посадские, жилецкие и уездные люди (под последними, очевидно, имелись в виду и черносошные крестьяне). От участия в соборе устранились только владельческие крестьяне и холопы.

Выбранные на собор представители были ответственны перед своими избирателями и получали от них наказ, «дав им от себя полной достаточной приговор, как им о государском обирании и о великом земском деле с нами во всех вас место советовати и говорити и государское обирание постановити безо всякого страхованья» [13]. Таким образом, Земский собор 1613 г. уже по праву можно считать сословно-представительным органом, его уже нельзя назвать словами В. О. Ключевского «совещанием правительства со своими собственными агентами» [8, 317].

В начале января 1613 г. собор начал работу. О том, сколько человек участвовало в заседаниях собора, высказывались разные точки зрения, но все оценки оказывались очень приблизительными. К примеру, С. Ф. Платонов, изучая «Избирательную грамоту» собора и исходя из того, что на соборе принимали участие представители 50 городов – по 10 человек от города, – считал, что минимум одних выборных должно быть 500 человек, а всего представителей собралось, по-видимому, 700 человек [3, 338–339]. Но на избирательных грамотах упомянуто только 277 имен, а число необходимых представителей от земель постоянно менялось. Так, в грамоте от 31 декабря 1612 г., посланной на Двину, говорится, чтобы «выбрать крепких, и разумных, и настоятельных людей из духовново чину пяти человек, да ис посадских и из уездных людей дватцати человек, ис стрельцов пяти человек» [13]. Таким образом, накануне заседания уже предусматривалась присылка 30 человек от избирательной единицы, т. е. можно сделать вывод, что при самом оптимистичном варианте могло собраться до 1500 человек. Так как диапазон вероятного числа представителей слишком велик, вряд ли возможно говорить даже о самом приблизительном количестве участников собора, но все же очевидно, что по представительности он не имел аналогов ни до, ни после.

Собор открылся, и началось рассмотрение возможных кандидатов. О единстве мнений не было и речи. «Новый летописец» говорит: «Пришли же изо всех городов и из монастырей к Москве <...> всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то говорил» [6, 378–379]. Называли Владислава, шведского принца Карла Филиппа, Пожарского, Трубецкого, Мстиславского, младшего Голицына и даже сына «тушинского вора», а избранный в итоге Михаил Рома-

нов вовсе не был в числе лидеров. Почему же так сложилось? Во-первых, было сразу решено, что «Литовского и Свийского короля и их детей за их многие неправды и иных некоторых земель людей на московское государства не обирать и Маринки с сыном не хотеть» [14, 13]. Тем самым собор отринул самозванство и возможность призвания иностранного принца, что, по-видимому, в то время считалось важнейшими факторами Смуты. Но и это не сильно облегчило выбор. Представители знатнейших фамилии или находились в польском плену (Шуйские, В. В. Голицын), или скомпрометировали себя, находясь в Москве во время оккупации (Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, И. С. Куракин), или не обладали должными способностями (И. Н. Романов, И. В. Голицын). По всей видимости, большими амбициями обладал Д. Т. Трубецкой. «Повесть о Земском соборе 1613 года» ярко повествует о его бурной деятельности, чтобы привлечь сторонников среди казачества: «Князь же Дмитрией Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца всех казаков», но «казаки же честь от него принимающе <...> а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию такову» [15, 457–458].

С одной стороны, кандидатура Михаила Романова тоже не выглядела сильной: слабый юноша, не имевший надежной опоры, т. к. его отец Филарет был в руках у поляков. Но с другой стороны, в его пользу сложился целый ряд факторов, обеспечивших ему поддержку низших слоев. Молва связывала его со старой династией, т. к. последний царь из династии Рюриковичей – Федор – по материнской линии происходил из его рода, кроме того, в силу возраста его нельзя было связать с бедствиями Смуты. Кандидатура Романова устраивала в том числе и аристократию, рассчитывавшую, что молодым царем можно будет легко управлять. Но решающим фактором стала популярность Романова в казачьей среде. Неслучайно Трубецкой так добивался благосклонности казаков – по всей видимости, во время работы собора они стали решающей силой. «Повесть о Земском соборе 1613 года» недвусмысленно говорит, что Михаил был избран под давлением казаков. Придя на собор, казаки спросили бояр, кого предполагается избрать. Те ответили, что планируют избрать царя путем жребия из определенного круга лиц, на что «атамань же казачей глагола на соборе: “Да подобает по божии воли на царству-

ющим граде Москве и всея Руси да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всея Руси”» [15, 458]. Скорее всего мнение атамана произвело определенное впечатление, т. к. далее автор «Повести» говорит: «Бояра же в то время все страхом одержими и трепетни трясуещя, и лица их кровию пременяющяся» [15, 458]. Возможно, автор и преувеличивает, но некоторые другие факторы подтверждают, что большая доля правды здесь есть. Так, очевидцы сообщали, что после освобождения Москвы дворяне и дети боярские разъехались по своим поместьям, поэтому в момент проведения собора численность казаков в Москве в два-три раза превышала количество представителей ополчения. Следовательно, есть все основания считать, что на избрание Михаила Романова большое влияние оказало силовое давление. Само решение было принято 7 февраля, но посчитали необходимым отложить объявление и окончательное избрание до 21 февраля, так как в Москве отсутствовали виднейшие бояре – Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, И. С. Куракин, – находившиеся после сидения в Москве по своим вотчинам. Вероятно, члены собора опасались, что отсутствие подписей таких знатнейших лиц может поставить под сомнение законность процедуры избрания в пору, когда необходимо продемонстрировать единство всего общества. Кроме того, местничество, несмотря на все переипетии последних лет, продолжало сохранять свое значение, и Земской собор уже мог выработать решение и без знатнейших лиц. Но все же было необходимо, чтобы первыми в документе руку приложили именно они.

В истории избрания Михаила Романова большой интерес всегда вызывал вопрос, на каких условиях он был избран – и были ли вообще эти условия. На данный вопрос нет однозначного ответа из-за достаточной противоречивости источников. Повести и сказания, созданные авторами, приближенными к официальным или церковным кругам, не говорят нам о каком-либо ограничении царской власти. Более того, складывается впечатление, что Михаил Романов был избран самодержцем без каких бы то ни было ограничений, на тех же правах, какие были присущи старой, природной династии Рюриковичей. В качестве примера таких источников можно рассмотреть «Повествование об избрании на царский престол Михаила Федоровича», представляющее собой серию разрядов, созданных в одном из московских приказов. При чтении дан-

ного произведения сразу бросается в глаза стремление авторов связать избранного государя с угасшей династией Рюриковичей, что с завидной регулярностью повторяется: «Обрали <...> на все великие и преславные государства российского царствия государем царем и великим князем, всеа Руси самодержцем, прежних, великих, и благородных, и благоверных, и Богом венчанных российских государей царей и великих князей, от их царского благородного корени, блаженные славные памяти государя царя и великаго князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, племянника, благоцветущую и неувядаемую отрасль, Михаила Федоровича Романова-Юрьева» [14, 14–15]. Так делалась попытка внедрить в общественное мнение, что избранный царь не просто имел связь с угасшим родом, но и являлся его прямым потомком. Далее доказывалось единство всего народа, проявившееся в данном выборе: «И во всех людех всяких чинов, от мала и до велика, человеколюбивый Бог, по смотрению своему, вложи в сердца единомышление» [14, 21], – что, как видно из других источников, сомнительно. Вообще в «Повествовании» настойчиво проводится мысль о получении царствия Михаилом напрямую от Бога. Тем самым его избрание собором выставляется неким вспомогательным действием, а порой его значение и вовсе отрицается: «...такое великое Божие дело сделалось не от людей и не его государским хотением, по избранию Бог учинил его государя государем царем и великим князем всеа Руси» [14, 44]. Таким образом, из самого содержания текста не предполагалась какая-либо ответственность государя перед людьми: он поставлен Богом и только перед ним отвечает за свое правление. Следовательно, ни о каком ограничении его власти и речи быть не могло, так как по божьей воле он был поставлен, подобно своим предшественникам, «хозяином земли русской».

Но кроме официозных произведений сохранился целый ряд источников, в которых указывается, что при восшествии на престол Михаил Романов вынужден был взять на себя письменные обязательства, существенно ограничивавшие его полномочия. Эти источники довольно разнообразны по виду, форме и датировке их написания. Среди них есть мемуары видного государственного деятеля XVII в. Г. К. Котошихина. На данные ограничения ссылаются и В. Н. Татищев. Имеются о том упоминания и в сообщениях иностранцев, побывавших в Рос-

сии в XVIII в. Несмотря на то что такой записи не сохранилось, многочисленные свидетельства о попытке ограничить власть новой династии не позволяют просто отмахнуться от них. Наиболее обстоятельно возможный характер ограничений описывают прожившие несколько лет в России в XVIII в. немецкий дипломат Иоганн Фоккеродт и шведский офицер Филипп Иоганн Страленберг. Фоккеродт отмечает, что когда настал момент избрания нового государя, знатные лица, осознавали, что будущий государь не будет иметь в чем-либо преимущества перед ними, а следовательно, «им нет надобности уступать больше власти, нежели сколько захотят они сами» [16, 28]. На соборе было единодушно решено «не выбирать себе в цари никого, кроме того, кто под присягой обещается предоставить полный ход правосудию по старинным земским законам, не судить никого государскою властью, не вводить новых законов без согласия собора, а тем менее отягощать подданных новыми налогами или решать чтобы то ни было в делах войны и мира», и «царь Михаил не колеблясь принял и подписал вышеупомянутые условия» [16, 28]. Как видно из договоров 1610 г., сами условия уже нельзя назвать невероятными для того времени, но из сообщения дипломата сложно понять, какой орган непосредственно ограничивал власть Михаила, так как определение собора Фоккеродтом не дает представления о том, идет ли речь о Земском соборе или о Боярской думе. По Фоккеродту на соборе заседали «не только бояре, но и все другие находившиеся в высшей государственной службе». Возникает вопрос, кто имелся в виду под «находившимися в высшей государственной службе» – исключительно ли высшая приказная администрация или в данное понятие можно включить военных и земских управленцев.

Не менее любопытное сообщение оставил Страленберг. По его записям выходит, что важнейшим идеологом ограничения власти монарха был Филарет Романов – отец будущего государя. Страленберг пишет, что некто прочел у покойного фельдмаршала Б. П. Шереметева документ, представлявший собой письмо Филарета из польского плена своему родственнику Ф. И. Шереметеву. Если верить этому сообщению, то митрополит был страстным противником самодержавных традиций русского государства и, еще не предполагая, что избран будет его сын, предложил «некоторые известныя кондиции, кои б избранной свято и ненарушимо хра-

нить обязался» [17, 67]. Эти суждения, по мнению Страленберга, были зачитаны «сенаторам» и «генералам», и те приняли решение избрать государя на представленных условиях, по которым «1) обязался он (государь. – Е. Ф.) содержать и засчитником веры быть; 2) все, что отцу его ни случилось, предать забвению и ни над кем, кто б какого звания ни был, партикулярной своей вражды не памятовать; 3) никаких новых законов не чинить, ниже старые отменять, вышния и важнейшия дела по законом також и не одному собою, но чрез порядочное произведение суда определять; 4) войны и мира точно для себе самого с соседями своими ни чинить и 5) все свое имение для оказания правосудия и для уничтожения всяких тяжб с партикулярными людьми или своей фамилии уступить, или соединить иное з государственным» [17, 81–82]. По Страленбергу перед принятием решений государю вменялось в обязанность советоваться с «Сенатом», под которым подразумевалась Боярская дума. Кроме того, в помощь молодому государю создавался регентский совет из четырех лиц, в который должны были входить митрополит Филарет, бояре Морозов, Воротынский и Шереметев, а так как первый отсутствовал, то в первые годы правления Михаила по сути воссоздавалась система правления боярской олигархии.

Однако имеются факторы, которые существенно снижают информативную ценность обоих приведенных сообщений. Во-первых, они были написаны через столетие и основаны на преданиях и на неподтвержденных данных. Во-вторых, они изобилуют значительными историческими ошибками и неточностями, что само по себе ставит под сомнение приведенные авторами данные. В-третьих – и это самое главное, – факты, изложенные Фоккеродтом и Страленбергом, слишком напоминают политическую ситуацию 1730 г. Поэтому трудно не согласится с мнением С. Ф. Платонова, который считал, что у этих авторов «предание о начале XVII в. строилось на данных начала XVIII в. и его детали в наших глазах должны характеризовать не первый, а второй из этих моментов» [3, 361].

Совсем другое дело – источники XVII в., а именно – псковское сказание «О бедах, скорбях и напастях», а также сочинение подьячего польского приказа Г. К. Котошихина. Особую ценность представляют именно воспоминания Котошихина, поскольку он занимал высокий пост в приказной администрации середины XVII в. и вполне мог иметь доступ к неким доку-

ментам, утерянным впоследствии. Котошихин пишет, что после смерти Ивана Грозного цари избирались на царство и брали на себя определенные обязательства: «После царя Ивана Васильевича обираны на царство: и на них были иманы писма, что им быть не жестоким и непальчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что и мыслити о всяких делах з бояры и з думными людьми сопча, а без ведомости их тайно и явно никаких дел не делати» [18, 150]. И продолжалось это вплоть до вступления на престол в 1645 г. Алексея Михайловича, когда бояре, сочтя его неопытным, посчитали необязательным брать с него запись, «а отец его, блаженные памяти царь Михайло Федорович, хотя “самодержцем” писался, однако без боярского совету не мог делати ничего» [18, 150]. Следовательно, по Котошихину Михаил Романов делил власть с Боярской думой.

Представив, таким образом, основные свидетельства в пользу мнения о том, что при Михаиле Романове действовало ограничение его власти, посмотрим, прослеживается ли существование такого ограничения на протяжении всего его царствования. О том, что некий договор мог существовать, косвенно свидетельствуют первые месяцы после его избрания. В первую очередь следует обратить внимание на такой – возможно, и ни о чем не говорящий – факт, как длительность перемещения Михаила Романова из Костромы в Москву. Как известно, о своем избрании Михаил узнал, находясь в Костроме, из которой он выехал 19 марта, а прибыл в Москву только 2 мая. Сам факт такой медлительности заставляет задуматься. Официальные источники стараются объяснить его проблемой безопасности на дорогах. Но в Кострому прибыла настолько многочисленная делегация, в сопровождении которой Михаил должен был приехать в Москву, что об опасении разбойников или разрозненных отрядов поляков не может быть и речи. Известно, что в Кострому прибыли многие высокопоставленные духовные и светские лица, «а с ними столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяка, и жилцы, и дворяне, и дети боярские из городов, и головы стрелецкие, и гости, и атаманы, и казака, и стрелцы, и всяких чинов люди по списком» [14, 17–18]. Ситуация требовала, чтобы такое многочисленное посольство как можно скорее прибыло в Москву – на случай, если бы Сигизмунд попытался вернуть под свой контроль столицу Московского царства. Поэтому единственное логичное объясне-

ние, почему новый царь ехал в Москву так долго, может заключаться в том, что посольство не торопилось преднамеренно и на протяжении полтора месяцев пути велись бурные переговоры об условиях, на которых молодой государь будет царствовать. Данное предположение подтверждается тем, что на протяжении всего пути царя в Москву велась активная переписка, причем если первые письма писались царю от имени собора, то, как замечает С. М. Соловьев, с «11 апреля писали к нему одни бояре, опять Федор Иванович Мстиславский с товарищами» [19, 13]. Данный факт может говорить о том, что за это время бывшему боярскому правительству удалось восстановить былое влияние. А такой поворот событий, в свою очередь, вполне согласуется со свидетельствами, что власть Михаила была ограничена именно Боярской думой. Хотя однозначно об этом говорить тоже невозможно. Известно, что на протяжении первых 10 лет правления Михаила Романова в Москве регулярно заседал собор и он обладал значительными полномочиями. Поэтому исключительно важно определить, какие полномочия имел тот или иной орган.

По-видимому, на протяжении, по крайней мере, первых 6 лет царствования Михаила в области ведения Боярской думы находилась вся внешняя политика государства. Во всяком случае, в этом были уверены польские должностные лица. Так, серпейский наместник-державец писал в августе 1620 г. своему коллеге с московской стороны воеводе Хитрово о Деулинском перемирии: «...мир заключен был между государствами, а не с Михаилом, посланник Киреевский приходил в Литву не от Михаила, но от панов-рад государства Московского» [19, 147]. Собственно это можно было бы считать домыслами с польской стороны, не желавшей признавать законность царя Михаила, но намеки на такое положение вещей можно найти и в высказываниях московских послов. Собственно когда выработывались условия договора в Деулине, обсуждая уже предварительно обговоренные статьи, московские послы говорили своим литовским коллегам: «А нам тех обеих записей переменить отнюдь нельзя, сверх договора и сверх совета братьев наших, великого государя бояр и всех его думных людей и всего великого Российского государства» [19, 147]. Из этой фразы видно, что послы действительно ведут речь от имени государства, не упоминая Михаила вовсе, а непосредственное принятие решений возлагают на совет «братьев наших, великого государя бояр».

Кроме дел, касавшихся непосредственно умиротворения отношений с соседями, вероятно, в ведении бояр находились и вопросы торговли с иностранными государствами. Так, Дума могла по своей воле или удовлетворить ходатайства иностранных купцов, или отказать им. На просьбу голландских послов позволить арендовать часть земли голландским людям под пашню ответ идет именно от лица бояр: «Но в думе решили: “В пашне отказать и всяким людям мимо письменных торговых людей не ездить”» [19, 139–140]. Подобным же образом обстоит дело и с другими послами, в частности, английскими и французскими.

Кроме прерогатив в области внешней политики, по всей видимости, Боярская дума обладала значительными судебными функциями. Начиная с «Подкрестной записи Василия Шуйского» во всех ограничительных документах стоял пункт о том, что государь не может никого осудить без Боярской думы. По-прежнему для общества оставалась актуальной проблема обеспечения личной безопасности от произвола монарха или какого-либо лица, управлявшего от его имени, поэтому, несомненно, если власть Михаила и была ограничена, то скорее всего именно в праве учинения расправы. Неизвестно, выносил ли Михаил в первые годы правления какие-либо приговоры без совета с боярами, но случалось, когда по его представлению Боярская дума рассматривала дело и самостоятельно выносила приговор. Так, в 1620 г. Михаил попросил рассмотреть дело посла Тюхина, превысившего свои полномочия во время своей миссии в Персию. Дума, рассмотрев дело, приговорила дьяка Тюхина за измену и воровство сослать в Сибирь и посадить в тюрьму в одном из сибирских пригородов [19, 143–144]. Следовательно, можно предположить, что царь обязан был выносить особо важные дела на рассмотрение Боярской думы. Таким образом, те факты, которые приводят Фоккеродт и Страленберг, имеют под собой некоторые основания.

Но нельзя забывать и о Земском соборе, который в какой-то момент стал единственным легитимным органом в стране, затем с 1613 г. по 1622 г. он собирался регулярно. Поэтому важно определить, какими полномочиями обладал данный институт. В ведении Земского собора находились в первую очередь финансовые вопросы, а именно – изыскание средств на государственные нужды и утверждение новых налогов. Так, о соборах 1614–1618 гг. известно, что они зани-

мались материальным обеспечением служилых людей и утверждением дополнительной «пятинной деньги» [12, 217–229]. Единственным исключением могли быть заседания в сентябре 1616 г., когда рассматривался вопрос, на каких условиях заключить договор со Швецией. Но и этот вопрос ставился только для того, чтобы узнать, согласен ли собор выделить достаточные средства на то, чтобы договор был заключен без территориальных потерь, и фактически собор отказал в средствах [12, 224–225]. Возможно, и следующие соборы, посвященные внешней политике, проводились с целью обеспечения финансирования возможной войны. То, что правительство регулярно обращалось к Земскому собору, конечно, не предполагает, что основанием для этого обязательно должен был быть какой-либо правовой документ. Вероятнее всего, что правительство могло и самостоятельно принять решение о сборе дополнительных средств, но абсолютно не было никаких гарантий, что люди на местах не саботируют данное решение. Однако порой могли игнорироваться даже решения, принятые при участии Земского собора. Так, принятое на соборе 1632 г. решение о сборе «пятинной деньги» для войны с Польшей не было реализовано в полной мере, «так как многие гости и торговые люди давали пятую деньги неправдою, не по соборному уложению, не против своих промыслов и животов» [12, 251]. Следовательство, деятельность Земского собора при Михаиле Романове сводилась преимущественно к решению хозяйственно-финансовых вопросов и, возможно, к осуществлению законосовещательных функций, но последнее проявилось уже при следующем правлении, в ходе работы над Уложением 1649 г. Маловероятно, что собор собирался вследствие какого-либо письменного ограничения. Об этом косвенно может свидетельствовать то, что по мере преодоления последствий Смуты и укрепления центральной власти он созывался все реже и преимущественно при чрезвычайных событиях. Так, в период с 1622 по 1632 г. Земский собор, вероятно, не собирался ни разу.

Таким образом, можно заключить, что в сообщениях Фоккеродта, Страленберга и Котошихина есть большая доля истины. Действительно, в первые годы царствования Михаила действовало некоторое ограничение его власти, но невозможно сказать, было ли это на основании какого-либо письменного документа или же по необходимости – отражая реальное положение

вещей и, возможно, по какому-то негласному договору. В пользу наличия письменного договора может говорить то, что он логично укладывался бы в последовательную цепочку подобных договоров первой половины XVII в., а именно – «Подкрестной записи Василия Шуйского» и двух договоров 1610 г. Кроме того, вряд ли в сознании людей, живших в 1613 г., была уверенность, что избранный царь придет надолго и положит начало новой династии, несмотря на все попытки источников, отражавших официальную точку зрения, убедить в обратном. В разоренной стране, где бродили отряды поляков, шведов, люди Лисовского, Заруцкого и др., Смута, безусловно, еще продолжалась. Убедительной выглядит точка зрения В. О. Ключевского, что действовала негласная сделка между окружением молодого царя и первородным боярством [4, 73], но в то же время нельзя согласиться с тем, что эта договоренность поддерживалась на протяжении всего правления Михаила. Вероятно, прав С. М. Соловьев, считавший, что если ограничение и имело место, то только в первые годы царствования [19, 243]. В сложившихся в то время условиях подобная сделка вряд ли могла быть озвучена официально, даже на заседании Земского собора, так как идея ограничения власти монарха была тогда крайне непопулярной. Еще 1606 г., когда Василий Шуйский в Успенском соборе объявил, что целует крест никого не наказывать без решения собора, это вызвало неодобрение находившегося там народа, так как это было не в соответствии с традицией Московского государства. Тем более это не могло быть поддержано в 1613 г. когда, казалось, само время доказало неприятие Богом каких-то ограничений царской власти. Особенно непопулярной подобная идея была у низших слоев населения, а ведь собор 1613 г. был чрезвычайно представительным, в нем принимали участие даже люди из крестьянского сословия. И объявлять на таком соборе, что на «природного царя» налагаются некие обязательства, было не только нецелесообразно, но и небезопасно. А раз о сделке не было объявлено публично и никакой обязывающий документ не подписывался, то она и не могла действовать долгое время. Вероятно, переломным моментом можно считать 1619 г., когда из польского плена возвратился отец избранного государя Филарет. Способный и опытный политик, к тому же ставший патриархом и являвшийся непререкаемым авторитетом для сына, он достаточно быстро взял всю

полноту власти на себя. Он также получил титул «великого государя», и все правительственные акты стали издаваться от лица двух государей. Таким образом, установилось двоевластие, и, как подчеркивает С. Ф. Платонов, «с приездом Филарета Никитича временщики должны были отказаться от власти и уступить влияние ему» [3, 379]. Это хорошо понимали и авторы, доказывавшие, что Михаил подписал ограничительный документ. Так, Фоккеродт пишет, что когда Филарет вернулся из плена и стал патриархом, «он один завладел опекою над сыном и удержал ее в своих руках на все время своей жизни. В этом качестве он самовластно распоряжался всеми делами: сбыл с рук, под разными предложениями, республиканские умы и ничего больше не оставлял собору, кроме чести одобрять его меры и распоряжения» [16, 28–29].

Таким образом, можно считать, что ограничения, наложенные на Михаила, были ликвидированы в 1619 г. с приездом Филарета Романова. Но вместе с тем оставался вопрос, сохранится ли престол за их потомками или со смертью обоих государей на царство будет избран представитель другой фамилии.

Конец избирательной монархии

С 1598 г. в России утвердилась система, при которой государь тем или иным способом избирался. (Из этой системы выбивается лишь короткое правление Лжедмитрия I, когда престол был им захвачен на правах законного, прямого представителя династии Рюриковичей.) Причем каждый раз избирались представители разных фамилий – Годунов, Шуйский, Ваза, Романов. Соответственно возникает вопрос, могла ли данная система иметь дальнейшее продолжение? И почему же все-таки престол утвердился за династией Романовых и в 1645 г. не был избран, к примеру, Голицын или Шереметев?

Главная причина прекращения избирательной монархии отчасти заключается в том, что, как уже говорилось, в глазах народа данная система, сложившаяся в начале XVII в., себя дискредитировала, именно на нее, как правило, списывались все беды Смутного времени. Поэтому на соборе 1613 г. и после него было сделано все, чтобы люди считали нового царя данным от Бога и являющимся прямым продолжателем Богом избранной династии Рюриковичей. А из этого следовало, что благословленным на царствование является не только Михаил, но и все

его потомство. Эта мысль отразилась в Утвержденной грамоте об избрании на престол Михаила Романова. В ней «бояре же, и дворяне, и весь царский синглит, и приказные люди, и гости, и все православные хрестьяне, велегласно вси, яко единными усты, вопияху глаголюще: целовали есмя животворящий крест и обет дали и ныне даем <...> что за великого государя, Богом почтеннаго, и Богом избраннаго, и Богом возлюбленнаго, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, и за его благоверную царицу и великую княгиню, и за их царские дети, которых им, государем, вперед Бог даст, души свои и головы положить, и служити им» [20, 71]. Следовательно, уже в 1613 г. государство фактически закреплялось за Романовыми, и главная проблема заключалась в том, чтобы появился наследник, который и родился в 1629 г. Но все же когда в 1645 г. Михаил преставился, потребовалось подтверждение этого положения, так как сохранились свидетельства, что сын Михаила Алексей был избран Земским собором. Так, Котошихин пишет: «...в мало время минувшее патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь духовный чин соборовали, и бояре, и околниче, и думные люди, и дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые и всяких чинов люди, и чернь после смерти прежнего царя на царство обрали сына его» [18, 25]. Также Котошихин утверждает, что для избрания Алексея в Москву созывались по два представителя от каждого города. Вероятно, это было сделано по той причине, что соборы еще продолжали изредка созываться и в памяти многих людей сохранялось представление, что лишь этот коллективный орган может придать царю полную легитимность. А так как в 1640-е гг. сильно ухудшилось социально-экономическое положение, люди, близкие к престолу, боялись дать лишний повод для недовольства. Но представители со всей земли созывались только для утверждения наследника на престоле. Ни о каком ограничении власти теперь не было и речи: «Нынешняго царя обрали на царство, а писма он на себя не дал никакого, что прежние цари даывали» [3, 150]. Но в дальнейшем уже даже и такая попытка придать видимость избрания царя «всей землей» больше не повторялась. Новая династия окончательно укрепилась на русском престоле, вопросов к ее законности становилось все меньше, чему способствовала и относительно удачная внешняя политика. В 1667 г. по Андрусовскому

перемирию в состав государства возвратилась Левобережная Украина со «святым градом» Киевом. В глазах тогдашнего населения это выглядело лишним подтверждением законности новой династии. Кроме того, окончательно отпала надобность и в самом институте Земского собора, который практически исчезает с 1653 г. с правового поля страны, напоминая о себе только отдельными вспышками, представлявшими лишь пародию на когда-то влиятельный орган. И в итоге 1 сентября 1674 г. Алексей Михайлович подвел итог избирательной монархии, торжественно объявив народу старшего царевича своим преемником.

Таким образом, идеи, зародившиеся еще в XVI в. как реакция на деспотическое правление Ивана IV, развивались и совершенствовались, но тем не менее не оказали значительного влияния на политическое устройство России. Сложно ответить, почему так случилось. Вероятно, причина была в том, что они развивались спонтанно и в чрезвычайных условиях фактического распада страны, иностранной интервенции и полного коллапса хозяйственно-экономической деятельности. Возложив ответственность за свои бедствия на навязанные ему «сверху» реформы и отступление от стародавних традиций, народ надолго укрепился в ненависти к изменениям и фактически потребовал возвращения к хорошо отлаженному механизму с всевластным царем во главе. Кроме того, надо признать, что и сам менталитет общества не был готов к подобным изменениям. Об этом лучше всего говорят слова человека, находившегося на протяжении всего Смутного времени – при всех его правителях и в отсутствие таковых – в правительстве, – И. М. Воротынского. В беседе с австрийским послом Ганделиусом он сказал: «У нас в Московском государстве того иско- ни не повелось, чтоб без государского указа земля что сделала; изначала ведется, что владеет всем государством один государь, а бояре и вся земля без царского повеленья не могут ничего сделать» [19, 48–49]. И это говорил человек, познавший сполна вкус власти, которому Москва в 1610 г. присягала как одному из правителей, что уж говорить о простых людях. Таким образом, идеи ограничения власти правителя и его приведения в общее правовое поле потерпели крах, и условно с 1619 г. страна вернулась к абсолютистской модели.

На первый взгляд по форме этот процесс похож на тот, который происходил ранее в За-

падной Европе. Те же самые «смутные времена» – вроде бедствий Франций во время Столетней войны, сопровождавшихся похожей интервенцией, потерей легитимности верховной власти и попыткой отыскать такую легитимность в условно-представительном органе. Казалось бы, похожи и первичные результаты произошедшего в Московском царстве и во Франции: постепенное истребление старой наследственной аристократии, ее замена на новую, основанием для чего была служба и личная преданность государю. Можно провести и много других параллелей, но все же остается вопрос, почему в Европе это так или иначе вело к прогрессу, а в России – к застою и постоянному отставанию, преодолеть которое получалось только мобилизационными методами Петра Великого. Вероятно, причина в том, что на Западе изначально слом феодальных порядков и переход к абсолютизму осуществлялись в интересах не только какого-либо конкретного лица, но и зарождавшегося класса буржуазии, который тем самым становился союзником королевской власти и в тоже время сдерживал ее от чрезмерного произвола. У нас же такого класса в принципе не могло возникнуть, т. к. практически отсутствовала частная инициатива, присущая западным купцам-скупщикам. На такую инициативу просто не хватало ни времени, ни достаточной личной заинтересованности. Наши купцы, становившиеся более или менее успешными, тут же забирались на государственную службу и были вынуждены прекращать свои дела. Как подчеркивает В. О. Ключевский: «Это были настоящие рекрутские наборы купечества в казенную службу, наиболее тяжелую и ответственную, производившиеся по казенному наряду, даже против воли тех, кого, таким образом, возводили в высшие чины торгово-служилой иерархии» [8, 315].

Таким образом, фактическое исчезновение в результате политики Ивана Грозного и всех перипетий Смутного времени родовой аристократии не стало для нашей страны оздоровительным фактором, а лишь повлекло ликвидацию единственной сдерживающей силы и сформировало систему полного бесправия человека перед вышестоящим начальством. Следовательно, и избирательно-ограниченную монархию начала XVII в. следует рассматривать не просто как неудавшийся эксперимент, но как провал одной из альтернативных моделей развития, имевшей, возможно, шансы сыграть позитивную роль в истории государства.

Библиография:

1. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8 / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. 752 с.
2. Дипломатическое донесение Сигизмунду III, королю польскому, о делах Московских // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М.: Университетская типография, 1858. С. 1–24.
3. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб.: Кристалл, 1997. 838 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1988. 414 с.
5. Маржерет. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 году. М.: Польза, 1913. 104 с.
6. Хроники Смутного времени // Новый летописец. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 263–410.
7. Балкарова В. А. Подкрестная (крестоцеловальная) запись Василия Шуйского (1606) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 24–30.
8. Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах древней Руси // Сочинения. В 9 т. Т. 8 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1990. С. 277–374.
9. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 470 с.
10. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1871. 298 с.
11. Избрание на русский трон королевича Владислава; Договорная запись, данная польскому гетману С. Жолкевскому о упрощении польского королевича Владислава Сигизмундовича к принятию российской короны (август 1610) // Мархотский Н. История Московской войны / Приложение III. М.: РОССПЭН, 2000. С. 196–214.
12. Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
13. Акты Земского собора 1612–1613 гг. // [Электронный ресурс] – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Akty_zems_sob_1612_13/text.htm (дата обращения: 18.04.2015).
14. Дворцовые разряды. 1612–1628. Т. I. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1850. 1236 с.
15. Повесть о Земском соборе 1613 года // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 457–459.
16. Неистовый реформатор / Соч. Иоганна Фоккеродта, Фридриха Берхгольца. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. 560 с.
17. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М.; Л.: АН СССР, 1985. 220 с.
18. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
19. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9–10 / Отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1990. 718 с.
20. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1906. 109 с.

References (transliterated):

1. Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. IV. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 7–8 / Otв. red. I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. M.: Mysl', 1989. 752 s.
2. Diplomaticheskoe donesenie Sigizmundu III, korolyu pol'skomu, o delakh Moskovskikh // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Kn. 2. M.: Universitetskaya tipografiya, 1858. S. 1–24.
3. Platonov S. F. Lektzii po russkoi istorii. SPb.: Kristall, 1997. 838 s.
4. Klyuchevskii V. O. Sochineniya. V 9 t. T. 3. Kurs russkoi istorii. Ch. 3 / Pod red. V. L. Yanina. M.: Mysl', 1988. 414 s.
5. Marzheret. Sostoyanie Rossiiskoi derzhavy i Velikogo knyazhestva Moskovskogo v 1606 godu. M.: Pol'za, 1913. 104 s.
6. Khroniki Smutnogo vremeni // Novyi letopisets. M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. S. 263–410.
7. Balkarova V. A. Podkrestnaya (krestotseloval'naya) zapis' Vasiliya Shuiskogo (1606) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2008. № 4. S. 24–30.
8. Klyuchevskii V. O. Sostav predstavitel'stva na zemskikh soborakh drevnei Rusi // Sochineniya. V 9 t. T. 8 / Pod red. V. L. Yanina. M.: Mysl', 1990. S. 277–374.
9. Platonov S. F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 1994. 470 s.
10. Zapiski getmana Zholkevskogo o Moskovskoi voine. SPb.: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1871. 298 s.
11. Izbranie na russkii tron korolevicha Vladislava; Dogovornaya zapis', dannaya pol'skomu getmanu S. Zholkevskomu o uproshenii pol'skogo korolevicha Vladislava Sigizmundovicha k prinyatiyu rossiiskoi korony (avgust 1610) // Markhotskii N. Istoriya Moskovskoi voiny / Prilozhenie III. M.: ROSSPEN, 2000. S. 196–214.
12. Cherepnin L. V. Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. M.: Nauka, 1978. 417 s.
13. Akty Zemskogo sobora 1612–1613 gg. // [Elektronnyi resurs] – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Akty_zems_sob_1612_13/text.htm (data obrashcheniya: 18.04.2015).
14. Dvortsovye razryady. 1612–1628. T. I. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichstva kantselyarii, 1850. 1236 s.
15. Povest' o Zemskom sobore 1613 goda // Khroniki Smutnogo vremeni. M.: Fond Sergeya Dubova, 1998. S. 457–459.
16. Neistovyi reformator / Soch. Ioganna Fokkerodta, Fridrikha Berkhgol'tsa. M.: Fond Sergeya Dubova, 2000. 560 s.
17. Zapiski kapitana Filippa Ioganna Stralenberga ob istorii i geografii Rossiiskoi imperii Petra Velikogo. Severo-vostochnaya chast' Evropy i Azii. M.; L.: AN SSSR, 1985. 220 s.
18. Kotoshikhin G. K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. M.: ROSSPEN, 2000. 272 s.
19. Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. V. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 9–10 / Otв. red. I. D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. M.: Mysl', 1990. 718 s.
20. Uverzhdennaya gramota ob izbranii na Moskovskoe gosudarstvo Mikhaila Fedorovicha Romanova. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1906. 109 s.